



ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО (съ иллюстраціями)
подъ редакціей НИК. ФИНДЕЙЗЕНА.

Рекомендована Учебнымъ Комитетомъ Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы МАРИИ
Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

1902 **3** р. съ ДОСТАВКОЙ на 1 годъ. 1 р. 75 к. на 6 м., 1 р. на 3 м.
IX годъ. и 50 к. на 1 мѣс. **3** р. 50 к. съ ПЕРЕСЫЛКОЙ 2 р. на 6 м., 1 р. 25 к. на 3 м.,
60 к. на 1 мѣс., на ГОДЪ
За границу 4 р. Цѣна сего № 10 к., съ перес. 15 к.

№ 9
2 марта



Редакція и Главная Контора: С.-Петербургъ, Малая Морская ул., № 6, кв. 21.

для поддержки каждаго художественнаго требованія кидать на чашку вѣсовъ собственную должность.

(Окончаніе будетъ).



О праздникѣ Гоголя.

По художественному календарю наступилъ день всероссійскихъ поминокъ по Гоголю. Пѣнія и чтенія на „гоголевскихъ“ вечерахъ и утрaxъ, спектакли, дешевыя и дорогія изданія, надгробные фельетоны и рѣчи съ обязательнымъ упоминаніемъ о „незримыхъ міру слезахъ“, какъ будто дѣйствительно столь незримыхъ, что для прозрѣнія ихъ требуются сотни ораторскихъ вариаций на школьную тему! Къ официальному юбилейному шуму, который не нашелъ почвы, чтобы изъ школьнаго переродиться въ истинно общественное торжество, должна присоединить голосъ и русская музыка. Она также заинтересована въ незримыхъ слезахъ и видимомъ смѣхѣ, заинтересована тѣмъ, что многія неслышныя мелодіи, подземнымъ родникомъ скрыты въ прозѣ Гоголя, сдѣлала слышными, свободно звучащими. Говоримъ не о спеціальныхъ хорахъ и кантатахъ, написанныхъ къ 21 февраля. Второй пунктъ Гоголевскаго завѣщанія: „завѣщаю не ставить надъ мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустякѣ, христіанина недостойномъ“. Музыкальныя хвалебныя однодѣнки, написанныя не отъ вдохновенія, а на случай, показали бы завѣщателю еще болѣе ничтожными, чѣмъ это можно выразить словомъ „пустякъ“. Не для такой псевдо-музыки заставлялъ онъ „сильнѣе шипѣть третій *покал* свой“. Для той, которая „могущественнѣе и восторженнѣе подѣ безконечнымъ, темными сводами катедрали“. Вотъ указаніе. Духовныя пѣснолѣнія православной церкви, въ художественной обработкѣ современныхъ композиторовъ, они явились бы наиболѣе достойнымъ приношеніемъ отъ музыки на Гоголевскія поминки. Для концертныхъ утръ и вечеровъ, въ школѣ и на эстрадахъ, они оказались бы наиболѣе характернымъ элементомъ въ воспоминаніи о

душѣ, пламенно влюбленной въ Бога, подвижнически искавшей Бога и пренебрегшей всей чувственной красотой своего громаднаго таланта, чтобы закончить томъ сочиненій „Размышленіями о божественной литургіи“. Такая музыка пѣла бы о томъ, куда влекся и чѣмъ былъ живъ духъ писателя въ послѣдніе годы многотрадной жизни. Народныя малороссійскія пѣсни столь же ярко и живо показали бы, чѣмъ радовался, тѣшился и освѣщался этотъ духъ въ періодъ молодости, въ теплые годы любви къ земной красотѣ. Вообще исполнять музыку, любимую памятствуемымъ лицомъ, не только характерно для воспроизведенія духовнаго склада личности помимаемого, но болѣе осмысленно и достойно для настроенія самихъ чествующихъ. Можно ли спорить, что пьеса Моцарта, Глинки или Россини болѣе умѣстна на праздникѣ Пушкина, чѣмъ (извиняюсь за сопоставленіе) кантата г. Иванова?

Наша опера промолчала. А между тѣмъ музыкальность фантазіи Гоголя съ наибольшей яркостью выразилась именно въ оперѣ. Его образы такъ легко и свободно заплѣли мелодіями Римскаго-Корсакова и Чайковского, какъ будто бы всегда тапли въ себѣ эти мелодіи. Здѣсь не было никакого пріусиливанія, приневоливанія, какъ въ музыкальной переработкѣ Пушкинскихъ темъ, гдѣ половину пьесы („Пиковая дама“, „Дубровский“, „Графъ Нулинь“ и пр.), ради оперныхъ условій, приходилось начинать чѣмъ то вовсе не Пушкинскимъ. „Майская ночь“, „Ночь передъ Рождествомъ“, сами собой просились на оперную сцену. Музыка неслышно разлита въ этихъ метательныхъ сказкахъ, каждая ситуация проситъ аккордовъ, каждый образъ способенъ заплѣть собственную пѣсню. Однѣ ли эти? А „Тарасъ Бульба“ — сѣдой ребенокъ, трагическій сыноубійца, какъ великороссійскій Илья Муромецъ, и, какъ онъ же, безустанный воитель за православную вѣру! Развѣ это не истинный герой пѣсни, разгульной степной пѣсни, широкой и вольной, доходящей въ послѣднемъ моментѣ до грандіознаго размаха и тоскливо-щемящей, надрывающей своей вѣжной, больной красотой въ образѣ Андрея, въ предсмертныхъ вздохахъ Остапа? Но „Тарасъ“ до сихъ поръ не поетъ. Глинкѣ мерещилась неосуществленная сим-

фонія, а опера П. Сокальскаго, „Осада Дубно“, только опытъ; достойнаго же нѣсеннаго воплощенія фантазіи Гоголя приходится ждать. Таинственно-музыкальными настроеніями переполнены плѣнительно-жуткія сцены „Страшной мести“, но и она еще не захвачена той звучащей силой, которая, по опредѣленію автора, „невидимая, сладкогласная, проникла весь міръ, разлилась и дышитъ въ тысячѣ образовъ“. Все это сокровища для оперы мелодической, большіе соблазны для современнаго оркестра, способнаго воплотить живописныя и фантастическія стороны сюжета, но, вѣроятно, послѣдніе успѣхи „пушкинскихъ“ оперъ Чайковскаго отклонили вниманіе композиторовъ отъ поэтическихъ сказокъ Гоголя. Для оперной сцены начинаютъ крошиться Тургенева, можетъ быть, погнѣдываютъ на Толстого, можетъ быть, примутся за Горькаго или заставить ныть подъ оркестръ трехъ сестрицъ Чехова. Оперная кангилена, прилагаемая туда, гдѣ въ ней нѣтъ надобности, блѣкнетъ, вырождающаяся въ полу-пѣвучесть романа, исчезающая, какъ почти исчезла она изъ новѣйшей симфонической музыки. Случай, когда въ мелодіи слышится богатый „гоголевскій“ лиризмъ, а въ оперѣ хоть немного гоголевскаго восторга передъ музыкой, хоть немного пѣвучихъ гоголевскихъ настроеній, остаются рѣдкими, единичными. Широко обогатясь средствами и утонченнымъ техническимъ опытомъ, музыка все чаще и чаще становится искусственнымъ звукописаніемъ. „Но если и музыка насъ оставитъ, что будетъ тогда съ нашимъ міромъ?“ Наивный вопросъ автора „Арабесокъ“. То что сдѣлано Глинкою, Вагнеромъ, Шопеномъ, Бетховеномъ и др. уже не можетъ насъ оставить, какъ не оставили насъ „Тарасъ Бульба“ и „Мертвыя души“ даже послѣ появленія „Размышлений“.

Е. П.

„Майская ночь“—3-хъ-актная опера Римскаго-Корсакова (Спб. 1879 г.); у Стрובה была соч. опера на тотъ же сюжетъ, нигдѣ не поставленная и въполнѣ пропавшая. На сюжетъ повѣсти „Тарасъ Бульба“ имѣются оперы Кюнера (Спб. 1880 г.) и Сокальскаго („Осада Дубно“—издана, но нигдѣ не была поставлена); Строровъ также предполагалъ написать оперу на этотъ сюжетъ, но отъ этой попытки сохранилась лишь „Плеска запорожцевъ“ для оркестра. На текстъ 1-го акта комедіи „Женитьба“ въ 1868 г. соч. Мусорскій „Опытъ драматической музыки въ прозѣ“, неизданный до сихъ поръ. Мусорскій оставилъ также послѣ себя въ рукописи открытки изъ начатой имъ (въ 1875 г.) оп. „Сорочинская ярмарка“, 2-й актъ которой имѣется въ болѣе или менѣе окончательномъ видѣ; нѣсколько отдѣльных №№ изъ „Сорочинской ярмарки“ („Думна Парася“, „Пѣсня Хивра“ и др.) изданы. Существуютъ еще разныя передѣлки повѣстей Гоголя въ драматической формѣ на малороссійскомъ языкѣ (Сорочинская ярмарка, Майская ночь, Вій, Ночь передъ Рождествомъ и др.) съ аранжированной для нихъ музыкой, заимствованной изъ малороссійскихъ пѣсенъ.

Ред.



Замѣтки.

VIII.

Художественно-научный матеріалъ и его суррогатъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Этнографическое Обозрѣніе“ (II) помѣщена „Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ“. Значеніе собранія такого матеріала настолько велико, что о немъ и говорить не стоитъ. Но какъ приступить къ дѣлу, какъ осуществить прекрасныя намѣренія—вотъ задача нашихъ музыкальных дѣятелей. Въ лежащей предъ нами „Программѣ“ составленной Музыкальной Комиссіей, состоящей при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества любителей еста-